

2. Боришполец К. П. Национализм как вызов глобальному развитию / К. П. Боришполец // Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
3. Костикова Л. П. Мультиплицированное видение культуры как тенденция развития образования / Л. П. Костикова // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 3.
4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. – СПб. : Наука, 2007.
5. Милль Дж. О свободе / Дж. Милль // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–15; № 12. – С. 23.
6. Романова А. П. Толерантное отношение к «Другому» в молодежной среде полиэтничного региона / А. П. Романова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 4 (25).
7. Сайко Э. В. О природе и пространстве «действия» диалога / Э. В. Сайко // Социокультурное пространство диалога. – М., 1999.
8. Тишунина Н. В. Современные представления о глобальном характере социокультурного развития человечества / Н. В. Тишунина // Глобализация и культура: аналитический подход. – СПб. : Янус, 2003.
9. Федотова В. Г. Модернизация другой Европы / В. Г. Федотова. – М. : Ин-т философии РАН, 2005.
10. Якушенков С. Н. Чужое тело сквозь призму встречи цивилизаций или Личико Гюльчатай / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 4 (25).
11. Hollinger D. A. Postethnic America: Beyond Multiculturalism / D. A. Hollinger. – New-York : Basic Books, 1995.
12. Ignatieff M. Blood and Belongin: Journeys into the New Nationalism / M. Ignatieff. – New-York : Farrar, Straus and Giroux, 1993.
13. Kymlicka W. Politics in Vernacular: Nationalism, Multiculturalism, Citizenship / W. Kymlicka. – Oxford : Oxford University, 2001.

ТЕХНОГЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ¹

С.А. Храпов

В статье рассматривается комплексная проблема взаимовлияния техногенной цивилизации и содержательного уровня трансформации общественного сознания. Автором предлагается осмысливать техногенные метаморфозы (превращения) общественного сознания с точки зрения ключевых социокультурных процессов аксиологизации техногенного, техногизации культуры и идентичности.

The article discusses the complex problem of interaction of technological civilization and meaningful level of transformation of public consciousness. The author proposes to interpret technological metamorphosis (transformation) of public consciousness in terms of key socio-cultural processes of technological aksiology, tehnogization culture and identity.

Ключевые слова: общественное сознание, техногенные метаморфозы, техногизация, информатизация, техногенный человек, техногенное общество, культура, ценности, социоантропогенез.

Key words: social consciousness, technologicalmetamorphosis, tehnogizatsiya, informatization, manmademan, man-made society, culture, value, sotsioantropogenez.

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 11-33-00239a1 «Социоантропогенез в эпоху современных высоких технологий: аксиологический, социокультурный, гендерный анализ».

Вопрос о техногенном характере современного общественного сознания напрямую связан с цивилизационными тенденциями и техноцентричной направленностью мирового исторического процесса. Этот факт не подлежит сомнению. На наш взгляд, с течением времени техника все меньше становится средством для существования и все больше превращается в вектор конструирования бытия человека, сознания, культуры и общества. Соответственно, удельный вес антропологической тематики в этом вопросе все увеличивается с каждым витком цивилизационного развития.

Техногенная модальность современного человека занимает все большее место в структуре его бытия. Он все чаще проявляет себя в социокультурном пространстве как существо, типологическим признаком которого является постоянное оперирование техническими средствами. Причем взаимодействие «человек – техника» уже давно вышло за рамки классических субъект-объектных отношений, о которых писали еще классики философии техники (Э. Капп, Э. Гартиг, П.К. Энгельмейер). Можно выделить три первоначальных причины использования человеком технических средств: оптимизация труда, познание и преобразование бытия, комфортность повседневного существования. С ускоряющимся цивилизационным развитием техника стала овладевать и личным пространством человека, причем именно по причине его собственного желания и попустительства. Техногенный человек стал таковым не потому, что им «овладела» техника, а потому, что он это позволил, ибо нуждался и все больше нуждается в подобном существовании. Именно этот модус бытия современного человека в наибольшей степени обусловил техногенные метаморфозы общественного сознания.

Как известно, взаимодействие человека и общественного сознания обусловлено двумя основными типами реальности его существования: идеальным, содержащим интенции познавательных актов самого себя (Я есть) и окружающего мира, и материальным (сфера его внеиндивидуального бытия, постоянно требующая знания о ней). Отсюда – социогносеогенная сопряженность человека и общественного сознания, раскрывающаяся во всем своем многообразии. Используя технику в качестве средства познания, человек колоссально увеличил свои возможности и сделал возможным цивилизационное развитие, основанное на постоянном обновлении знания. Объемы информации в социокультурном пространстве давно уже превышают гносеогенные возможности индивидуального и даже общественного сознания. Создание технических средств памяти вывело огромные информационные пласты из системы социально-мнемического и социогносеогенного взаимодействия человека и общественного сознания в традиционном смысле.

В содержательном аспекте общественного сознания проявляются все модусы техногенной цивилизации. Учитывая широту проблематики, мы остановимся на трех значимых социокультурных тенденциях, опосредующих техногенный характер общественного сознания.

Аксиологизация техногенного. Как известно, ценностная матрица общественного сознания интегрирует образы и представления о наиболее значимом в общественной жизни. Важным является тот факт, что эта система не просто выражает отношение к тем или иным ценностям (идеологическим, этическим, правовым, религиозным, семейным, профессиональным и др.), но и во многом определяет ход социального развития, поскольку все они связаны с футурологическими ожиданиями [2]. Система ценностей проявляется в различных типах сознания, формируя ценностное ядро идентификационных

образов и стратегий поведения социальных субъектов – акторов любых трансформаций.

В техногенной трансформации общественного сознания деформация ценностной матрицы играет огромную роль. Именно глубинные, структурные изменения аксиологической модели явились фактором нового витка цивилизации. Разумеется, эти изменения не могли возникнуть «на пустом месте», этому предшествовало длительное ускоряющееся развитие западной цивилизации. В отличие от Востока, Запад был всегда центрирован на настоящем. В процессе секуляризации сознания и культуры эта установка усиливалась и стала одним из механизмов цивилизационного развития. Соответственно, общественные силы, политическая, экономическая, а позднее и культурная (сегодня превращающаяся по сути в сферу услуг) сферы общества ориентированы на оптимизацию социокультурной реальности, приведению ее к некому стандартизированному, техноцентричному идеалу, воплощением которого будет общество с высоким уровнем комфорта повседневности и социальной организации. Идеология позитивизма-прагматизма-утилитаризма явилась выразителем данных футурологических ценностей, которые тесно коррелировали с ценностями гедонизма. Последние же получили мощный импульс посредством девальвации духовных ценностей (которые выступали противовесом) и институционализации в экономическую систему, функционирующую посредством формирования системы искусственных потребностей и массового потребления. Данные исторические и социокультурные тенденции сформировали весьма благоприятную почву для нового этапа развития, переход к которому связан с качественным изменением системы производства и социальных интеракций.

Только качественное изменение отношения человека к самому себе, жизненным приоритетам и окружающей действительности позволило создать настолько масштабную систему технологического обеспечения его жизнедеятельности, что возникла угроза его существованию как социально-антропологического типа. Сегодня концепт «человек техногенный» уже ни у кого не вызывает вопросов, а в массовом сознании он воспринимается как человек создающий и пользующийся высокотехнологическими средствами. В реальности все далеко не так. Возникают вопросы не о вреде конкретных технологий как таковых (то, что они улучшили условия жизни человека, не вызывает сомнений). Настораживает и даже пугает то, как человек относится к данным техническим достижениям и комфортным условиям, которые он получил посредством них, а вопрос отношения – это всегда вопрос о ценности!

Рост масштабов информационного поля и скорость обновления информации меняют отношение человека к знанию и системе образования: с одной стороны, большинство населения признает важность получения образования, с другой – большинство обучающихся воспринимают его лишь как средство социальной адаптации, а к самому знанию относятся весьма формально. В сознании данных групп населения знание рассматривается как легко доступное (посредством информационных технологий и расширения сферы образовательных услуг), обширное (все знать невозможно) и быстро устаревающее. Праксиологизация знания также укореняет данные тенденции. Формирование нового знания ориентировано, как правило, на его эффективное использование. Наука, а, следовательно, и теоретический уровень общественного сознания развиваются по принципу быстрой финансовой отдачи. Знание и информация становятся товаром, которые их создатели стремятся выгоднее про-

дать. Меняются и идентификационные образы и стили общественного сознания. Техногенная культура и техногенное общество, создавшие более комфортные условия для существования человека, в то же время укрепляют в общественном сознании ценности гедонизма и гипериндивидуализма, способствуя социальной атомизации.

Новая аксиосоциодинамика задает и новый темпоритм социокультурного генеза. Академик В.С. Степин полагает, что именно ценностная динамика задает культурный темпоритм техногенной цивилизации. Он выделяет шесть базовых ценностей, определяющих переход человечества на новый этап цивилизационного развития: «1) новое отношение человека к миру природы и обществу; 2) изменении роли традиции и инновации; 3) связь преобразовательной активности человека с наукой и научной рациональностью; 4) доминирование отношение вещной зависимости в сравнении с личной зависимостью, характерной для традиционных обществ; 5) идеал творческой, суверенной, автономной личности; 6) научная рациональность и научно-технический взгляд на мир» [3, с. 28]. Наряду с этими ценностными ориентациями, мы полагаем, огромное влияние оказывает крайняя форма антропоцентризма, деструктивно выраженная в идеологии индивидуализма, когда человек воспринимает себя как высшую ценность, а свое бытие – как первичное по отношению к другим и бытию в целом. Данная установка укореняется прагматизмом информационной эпохи, создающей условия для культивирования в общественном сознании образов и тенденций гипертрофированного индивидуализма. Такие характеристики технологий, как стандартизированность, объективированность, скорость, постоянное обновление, высокая практическая результативность, формируются как новые ценности; их критерии используются при оценке в общественном сознании всех типов отношений и явлений социокультурной реальности.

Процессы техногизации, наряду с их неоспоримыми достоинствами, существенно осложняют жизнь современного человека, погружая его в безграничное информационное поле противоречивых интерпретаций и часто деструктивных ценностных ориентаций и представлений. Масштабная потерянности людей находит выражение и в общественном сознании, нарушая его целостность и объективность, когда они не могут четко оценить, что происходит в социокультурной реальности, следуют противоречивым ценностным ориентирам и адаптационным стратегиям.

Техногизация культуры. Архитектоника культуры представляет собой структурнозначимые образования (например, язык, системы религий, архетипы) и механизмы формирования, сохранения и ретранслирования мировоззренческих образов, ценностных ориентаций и поведенческих стратегий, определяющих идентичность и темпоритм цивилизационного развития. Рассматривая деформацию архитектоники культуры под влиянием техногенной цивилизации, мы не ставим под сомнение ее онтологическую значимость. Тем не менее, техногизация оказывает существенное влияние на деформацию глубинных культурных пластов и сами механизмы культурогенеза.

С одной стороны, техногизация дала для сферы культуры очень много. Транспортные и информационные технологии колоссально расширили и укоротили динамику социокультурных коммуникаций. Огромное количество людей получили доступ к культурным памятникам, обрядам и традициям многих народов. Усовершенствовались механизмы функционирования социальной памяти (Интернет, электронные библиотеки, цифровые хранилища ин-

формации). В общественном сознании современных людей образ мира стал более обширен и многообразен, чем двадцать лет назад. Информатизация посредством новых технологий и формирования потребности в знании активно способствует расширению сфер науки и образования, а, следовательно, и возможности населения не только приобщаться к уже наработанным культурным пластам, но и активно участвовать в создании новых «культурных продуктов» [5]. Происходит активная интеграция междисциплинарного и даже межотраслевого научного знания.

С другой стороны, данные позитивные процессы сочетаются и часто содержат в себе многие деструктивные явления, угрожающие существованию культуры и человека. Современные ученые утверждают, что в новых культурных трансформациях нет ничего страшного: ведь на протяжении всей истории человечества изменились технологии и система социально-экономического взаимодействия, формировались новые политические системы, и, соответственно, менялись содержание и форма культуры. Данные процессы долгое время определяли ход развития социоантропогенеза: определяли, скорее, структурно-функционально, чем имманентно-феноменально. Прежние механизмы и формы социального развития не меняли контуры и типологические характеристики бытия культуры и человека, которые всегда первичны по отношению к бытию социума. Мы полагаем, что именно существенные характеристики человека и культуры должны определять ход социального развития. Кроме того, мы убеждены в том, что человека нельзя рассматривать как существо, мимикрирующее свое бытие к любым социальным изменениям. Также неизменным должно быть и ядро – архитектоника культуры. В.В. Миронов верно отметил, что «культура – система изменяющаяся. Но, что важно для предлагаемого исследования, культура – это еще и система устойчивых, воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей – объективированными в знаковых системах и живых человеческих сознаниях нормами морали и права, философскими мировоззрениями, эстетическими пристрастиями, религиозными верованиями, доминирующими в том или ином человеческом коллективе» [4, с. 31].

В техногенном обществе изменяется восприятие культуры: вместо ее традиционных интерпретаций в общественном сознании возникает образ культуры как техносферы, пространства значимой информации, зафиксированной в материальных и идеальных носителях. Причем основную функцию культурной ретрансляции и коммуникации отводят информационным технологиям и институтам информатизации в целом. Например, если раньше в качестве институтов социализации и аккультурации человека рассматривались семья, религия, коллектив (образовательный, профессиональный), референтная группа, то сегодня СМИ стоят на первом месте. Именно они формируют мировоззрение подрастающего поколения, их ценностные ориентации, идентификационные образы, стили и адаптационные стратегии, фиксирующиеся в общественном сознании в качестве базовых.

Культура «вырвана» «техногенным бумом» из традиционного пространственно-временного контекста. Девальвация прежних культурных ценностей и типов социальных интеракций стала объективным фактом, новые еще не успели выработаться, поскольку традиционно это длительный процесс, сопряженный с механизмами социальной памяти, менталитета, всей духовной жизни общества [6]. Но развитие современного социоантропогенеза «стре-

мится» к новообразованиям настолько сильно, что укореняет в общественном сознании «культ скорости как сверхценности». Возникшая в духовной жизни общества ниша быстро заполняется «суррогатом» новых ценностей, образов и стратегий, чуждых ментальности и цивилизационному темпоритму. Кризисность данной ситуации проявляется и в том, что если раньше новообразования адаптировались к сфере культуры и социальной модели, то сегодня, наоборот, культура, общества и общественное сознание постоянно адаптируются, меняют свои структурно-функциональные характеристики и содержание в соответствии с тенденциями техногизации.

Техногизация также активно способствует денерархизации, утрате критериев деления культуры на массовую и элитарную. Диалектическое сочетание низовой и аристократической культуры всегда было значимым механизмом культурогенеза. Данные сферы были изолированы друг от друга посредством культурных и социальных средств (языка, доступа к сфере знания и мн. др.), но изоляция эта не была абсолютной. Зарождаясь в сфере высокой культуры идеи, эстетические установки в процессе социального развития проникали в массовую культуру и сознание (мода, литература). Эти идеи и ценности часто формировались в контексте массовой повседневности. Элитарная культура выступала в качестве хранительницы базовых цивилизационных и общечеловеческих ценностей. Важен и тот факт, что в общественном сознании доминировала оппозиция низовой – высокой культуры, что давало стимулы для развития масс, ориентировало их на некий идеал. Отсутствие в общественном сознании данной оппозиции, девальвация ценностей высокой культуры как избранных и уникальных вследствие доминирования усредненного, унифицированного, стандартизированного (всего того, что легче понять, быстрее запомнить и воспроизвести) усугубляют антропологический и культурный кризисы, нивелирует творческие и созидательные интенции в обществе, столь необходимые в эпоху трансформаций.

Техногизация идентичности. Как известно, процессы идентификации представляют собой определяющие механизмы социализации и социального развития в целом, поскольку выражают и определяют сопричастность социальных субъектов определенным образам и матрицам поведения (возрастным, социально-интеракционным, гендерным, этническим, религиозным, профессиональным), зафиксированным в общественном сознании и духовной жизни общества. Наиболее обобщенной выступает социокультурная идентичность как процесс типологического самоопределения и ориентирования социальных субъектов и общества в целом на выработанные культурно-исторической динамикой и фиксированные на уровнях общественного бессознательного и сознания образы, стратегии социального взаимодействия и модели цивилизационного развития.

Изменение социокультурной реальности под влиянием технологизации приводит к изменению социальных коммуникаций, идентификационных стилей, образов человека, культуры и общества. Данные процессы протекают не изолированно, а в контексте системных преобразований глобального мира. Сегодня из всех высоких технологий наиболее сильное влияние на идентификационные образы и стили общественного сознания оказывает информатизация. Это связано с тем, что, в отличие от нано- и биотехнологий, информационные технологии получили наибольшее распространение. Будущее же определит синтез нано-, био-, информтехнологий в условиях глобальной дегуманизации [1]. Пока же рассмотрим роль информатизации.

С социально-онтологической позиции сфера коммуникаций выступает по отношению к социальным субъектам как сфера трансцендентного (Г. Гегель, Ю. Хабермас, Н. Луман). Наполненная и регулируемая ценностями информационной культуры (стандартизованность, унифицированность, прагматизм, скорость), она нивелирует уникальное и индивидуальное, укореняя «одномерную» идентичность. Включенность человека в определенную сферу социального взаимодействия, в определенный контекст коммуникаций, создает и его идентификационную ориентацию, в соответствии со спецификой этой социальной среды. Если типологические различия между представителями разных социальных институтов еще сохраняются (например, между научными работниками и спортсменами), то так называемая корпоративная идентичность практически полностью стандартизирует сотрудников с целью эффективизации функционального труда. Коммуникативно-информационная сфера порождает идентичности, а общественное сознание и культура постепенно утрачивают эту функцию, выступая в качестве проявлений этой новой онтологической реальности.

В информационную эпоху происходит «размывание» контуров традиционных культурных идентичностей. В общественном сознании формируется «трансграничная идентичность», позиционирующая образ «человека мира», человека без конкретной культурной ориентированности. Человек и общественное сознание оказываются в ситуации, когда сфера традиционной культуры и идентичности разрушена, единая мировая культура еще не сформирована, к тому же посредством технических услуг ему открыт доступ к культурам и идентичностям всех стран, в результате возникает культурный и мировоззренческий эклектизм.

Интегральный тип идентичности человека является результатом и «дает ответы» на такие основополагающие мировоззренческие вопросы как: «Кто я такой?», «Какой мир меня окружает?» и «Что я делаю в этом мире?». Ориентиры для ответов на эти вопросы содержатся в общественном сознании, культуре и самой системе социального взаимодействия в виде ценностных ориентаций, идентификационных образов и адаптационных стратегий. Новый техногенный тип социальности формирует не только новые ценностные представления, определяющие ее развитие, но механизмы идентификации. Роль в обществе СМИ, их институционализация и аккультурация позволяют их интерпретировать как сферы, формирующие идентичность современного человека. Усваивается тот тип идентичности, который наиболее популярен и разрекламирован западно-ориентированной информационной культурой (фото-модель, брокер), который может совершенно не коррелировать со своеобразием личностной организации и реальным контекстом повседневности, что опять же вызывает индивидуальные (внутриличностные) и социальные кризисы; растет и парадоксальность общественного сознания.

Техногизация культуры, становление техногенного общества, формирование нового антропологического типа – человек техногенный – это объективные процессы, следствие культурно-цивилизационного развития человечества. Самое главное, чтобы при смене основных форм человеческого бытия не исчезла экзистенциальность личности – фундаментальный атрибут онтологического статуса человека. Данные аспекты позволяют ставить вопросы не только о новой реальности, но и о новом социально-онтологическом статусе общественного сознания. Мы полагаем, что общественное сознание в его прежней классической форме функционировать уже не будет, поскольку

сменились качественные характеристики двух основных уровней его динамики: социального и антропологического. Каким именно будет новое общественное сознание, сейчас сказать нельзя, поскольку период его трансформации проходит в условиях эпохальных преобразований человечества.

Список литературы

1. Абрамян А. Философские проблемы развития и применения нанотехнологий / А. Абрамян, В. Аршинов, В. Беклемышев, Р. Вартанов, Д. Дубровский. – Режим доступа: http://www.nanoindustry.su/pdf/1_2008/1713.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Баева Л. В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей : монография / Л. В. Баева. – Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2008. – 217 с.
3. Колпаков В. А. Общество знания. Опыт философско-методологического анализа / В. А. Колпаков // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 26–38.
4. Миронов В. В. Коммуникативное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии / В. В. Миронов // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 27–43.
5. Храпов С. А. Информатизация социокультурной реальности и общественного сознания постсоветской России / С. А. Храпов // Ученые записки РГСУ. – М. : ОРПИ РГСУ, 2010. – № 3. – С. 47–55.
6. Храпов С. А. Трансформация сознания российского общества в контексте его социокультурной динамики / С. А. Храпов // Власть. – 2009. – № 9. – С. 50–53.